

Две публики и один зритель

Сцена и зал на Первом международном фестивале имени А. П. Чехова

Михаил Смоляницкий

Категория успеха в нынешнем театре носит чрезвычайно неопределенный характер. Фестиваль имени Чехова — лучшее тому подтверждение.

Возьмем такой критерий оценки, как масштабность. На фестивале было показано 10 спектаклей, из них 8 — по два раза, причем в разные дни. То есть за более чем трехнедельный срок было дано 18 представлений. Чтобы понять, как это немного, не нужно даже ссылаться на практику таких фестивалей-гигантов, как Авиньонский или Эдинбургский, тем более, что теперь именно небольшие фестивали оказываются значительнее. Однако и они всегда носят чрезвычайно лихорадочный (по нашим меркам) характер, в чем, собственно, и состоит «фестивальная атмосфера». Наш новорожденный фестиваль шел медленно, размеренно, не имел сумасшедшего пресс-центра, проводил мало пресс-конференций и обсуждений. Однако довольно мощную поддержку средств массовой информации он все же получил.

Что же касается успеха у публики, то здесь результаты фестиваля скромнее.

Наибольший успех выпал на долю берлинского театра «Шаубюне», показавшего «Вишневый сад» А. П. Чехова в постановке Петера Штайна. Глядя на столпотворение у изысканно-строгих дверей МХАТа имени Чехова, посторонний мог бы подумать, что вернулись безумные времена Таганки 15-20-летней давности. Нет, ничего подобного: сверху донизу набитый «многоярусный театр» внимал не бунтарским выходкам «горланов-главарей», а представлению под стать тем самым дверям. И солидные гости

партера, и пестрая публика, заполнившая ярусы, — все хотели видеть Штайна, поразившего ранее Москву своей интерпретацией «Трех сестер» и немедленно ставшего ходячей легендой. На мой взгляд, этот интерес носил характер повышенных «зрительских ожиданий».

Спектакли «дальнего зарубежья» и в целом имели больший успех, чем «ближнего». Аншлаг на российском спектакле — «Коварство и любовь» по Ф. Шиллеру Петербургского БДТ в постановке Темура Чхеидзе — во многом объясняется тем, что спектакль ознаменовал официальное открытие фестиваля. Если бы не это совпадение, не уверен, что «Коварство и любовь» не постигла бы участь большинства «не вполне зарубежных» спектаклей, которым до аншлага было далеко — вне зависимости от их достоинств. В полупустых залах прошли: оба украинских спектакля — «Тевье-Тевель» Г. Горина по Шолом-Алейхему Киевского театра имени И. Франко (реж. Сергей Данченко) и «Ложь» по В. Винниченко Львовского театра имени М. Заньковецкой (реж. Алла Бабенко), «Доктор Стокман» по Г. Ибсену Ереванского театра имени Г. Сундукяна (реж. Хорен Абрамян), невзирая на то, что во всех названных спектаклях превосходные исполнители главных ролей — Богдан Ступка, Лариса Кадырова и Хорен Абрамян. Далеко от эпитета «ломающийся» выглядел зал на представлениях ашгабатского театра «Джан», показавшего спектакль «Дэлли Домрул» (реж. Какаджан Ашир), и душанбинского театра «Ахорун». Спектакль последнего — «Иосиф потерянный вновь вернется в Ханаан...», — поставленный Фаррухом Косимом имеет особую фестивальную «биографию». Пять дней театр не мог вылететь из охваченного

гражданской войной Таджикистана. Его вывезли на военном самолете. Дело, разумеется, не в самолете: и туркменский, и таджикский спектакли были, по меньшей мере, своеобразны и доброкачественны, и притом чрезвычайно доступны разным уровням «прочтения».

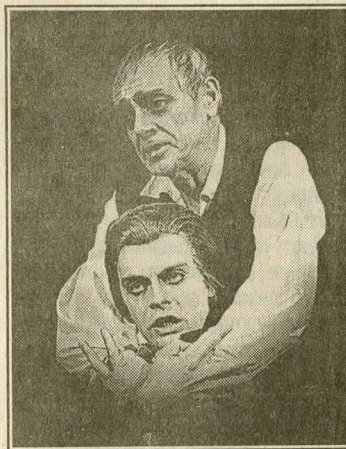
Зато «зрительские ожидания», сосредоточенные на «заграничном», обеспечили успех не только двум, кроме Штайновской, интерпретациям «Вишневого сада», но и такому специфическому зрелищу, как «Персы» Эскила в постановке «Аттис театра» из Афин (режиссер Теодорус Терзопулос). Оно и понятно: Чехова из пражского «За браноу» в постановке легендарного Отомара Крейчи пропустить никак нельзя. Чехова из Бухарестского Национального театра, поставленного режиссером международного класса Андреем Шербаном, пропустить тоже обидно, ну а когда Алла Демидова прилюдно называет Терзопулоса гением, отпадают последние сомнения, идти ли на «Персов».

Вряд ли описанное положение объясняется только недостатками рекламы: на самом деле никто ею «аутсайдеров» не обде-

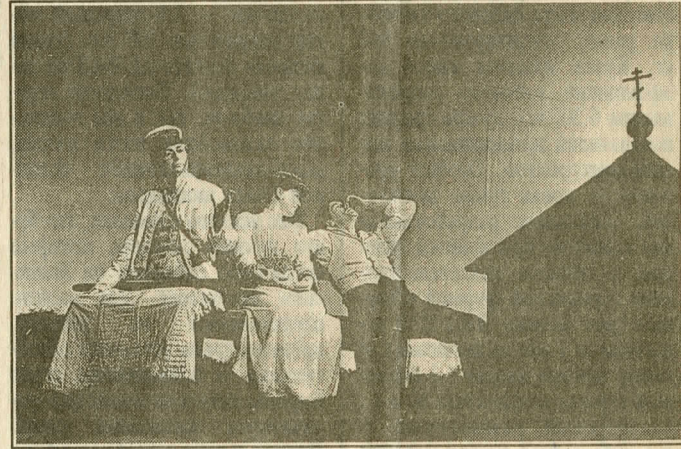
лял. Винить ли сами «зрительские ожидания», постепенно выработавшие для себя формулу «зарубажное — значит отличное»? Отчасти. Но основная причина «хромающего» зрительского успеха фестиваля состоит, на мой взгляд, в том, что его организаторы вовсе не задумывались над тем, на кого же он все-таки рассчитан. Спектаклей было мало, и почти все оказались «для всех и ни для кого». Ясно, что на любой фестиваль охотно и регулярно ходит разнообразный «театральный народ» — «элитарная», почти профессиональная публика. Также ясно, что существует публика «массовая» — любители театра. Парадокс заключается в том, что «элитарная» публика превзошла на фестивале «массовую» не только умением, но и числом — «театральный народ» имел больше шансов проникнуть на дефицитные представления. Что же касается более доступных представлений, то смешно ожидать от «массовой» публики посещения того, что не посещается публикой «элитарной». Таким образом, при стремлении к «массовому» успеху фестиваль получился «элитарным»: раздробленной

оказалась не только публика, но и сам публичный успех.

У крупнейшего современного режиссера и теоретика театра Эуженио Барбы есть концепция, разделяющая понятия «публики» и «зрителя». «Публика определяет успех или неудачу спектакля, — пишет Барба, — ее реакция — либо овация, либо холодное молчание, а то и свист. Зритель же реагирует на спектакль, включая или не включая некую область сознания, которая в обыденной жизни как бы находится в изгнании». Иными словами Барба противопоставляет коллективные реакции зала, которые создают лишь иллюзию единства, и единичную, сугубо индивидуальную, реакцию зрителя. Не правда ли, это во многом дает театру возможность отстраниться от необходимости в «роковом успехе». В конце концов театр — заведомо некоммерческое, «изгнанное» искусство даже во вполне благополучных обществах. А потому, на мой взгляд, всякий фестиваль, желающий быть сейчас истинно театральным событием, должен иметь концепцию, рассчитывающую на интересы разных зрителей, а не разной публики.

«Коварство и любовь». Реж. Т. Чхеидзе

«Вишневый сад». Реж. П. Штайн

11 Бер "

№ 14, 1992

20-24 / XI